

неимѣннѣмъ подъ руками статистическихъ данныхъ точно опредѣлить не можемъ. Сборомъ рыжиковъ-боровиковъ занимаются волости, въ районѣ которыхъ они произрастаютъ—именно: Шальская, Павловская, Сауvinская, Полуборская, Печниковская, Ошевенская и—кажется еще гдѣ-то...

2) груздь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда и губерніи имѣетъ такое же значеніе, какъ боровикъ, но вблизи Каргополя, по причинѣ непостоянства въ урожаѣ, малаго района мѣсть, гдѣ онъ можетъ расти, т. е. его случайности—онъ важной роли не играетъ и имѣетъ только мѣстное значеніе... растетъ по сухимъ мѣстамъ вблизи болотъ, а также въ старыхъ, липистыхъ борахъ: встрѣчается цѣлыми семьями—штуку по 10, 15 и болѣе.

3) подѣльникъ—растетъ по сравнительно сухимъ мѣстамъ—вблизи болотъ, около ельника и осины,—появляется цѣлыми группами, или какъ говорятъ „поѣздами“—рѣдко по одному, но по своей вялости быстро загниваетъ—часть его идетъ въ Питеръ, но въ общемъ онъ имѣетъ только мѣстное значеніе... Заготавливается въ прокъ въ соленомъ видѣ, при чемъ всегда теряетъ свой натуральный цвѣтъ—изъ красновато-зеленоватого дѣлаясь темно-синимъ и чернымъ.

4) подѣосиновики, волнухи, бѣлянки—первые, т. е. подѣосиновики, растутъ по сухимъ мѣстамъ, вблизи болотъ—съ вѣшной стороны они напоминаютъ собою груздь, отличаясь отъ него только желтымъ цвѣтомъ... волнухи же и бѣлянки растутъ большею частью по болотистымъ лѣсамъ, а послѣдніе и по пожнямъ; только незначительная часть ихъ идетъ въ Питеръ—это скорѣе неизбѣжное соленое блюдо крестьянъ и мѣщанъ въ постное время года—какъ любимая приправа къ картошкѣ. Эти три рода грибовъ, предварительно заготовки въ прокъ вымачиваются въ смѣнной водѣ сутки двой—т. к. иначе будутъ имѣть жгучій горьковатый вкусъ. Подѣлыши, волнухи и бѣлянки при первыхъ же утренникахъ погибаютъ, и уже не появляются... рождаются же они довольно обильно: крестьяне нѣсколько отдаленныхъ волостей, не имѣя вблизи лѣса, прѣзжаютъ въ свободные-воскресные дни за рѣку Онегу—на телѣгахъ и нагружаютъ ихъ этимъ добромъ.

5) бѣлый грибъ,—растетъ въ сухомъ лѣсу и, далеко не повсемѣстно: вблизи Каргополя серьезно собирать его можно только въ лѣсной дачѣ „Семеново“—въ первой верстѣ отъ города—и, затѣмъ въ 5—6 верстахъ—въ монастырской дачѣ „Островъ“.—Собирается онъ исключительно для сбыта въ городъ—крестьянами, по преимуществу Павловской волости и продается сырымъ отъ 10 до 3 коп. за фунтъ, смотря по качеству,—заработокъ простирается иногда до 2 р. въ день, но случается и такъ, что продать грибы совершенно некому... (Сами крестьяне его недолюбливаютъ и въ пищу не употребляютъ). Въ дальнихъ же волостяхъ, напримѣръ, Печниковской, Лекшозерской бѣлый грибъ презрительно топчутъ ногами, считая его поганымъ... первая причина такого отношенія конечно та, что этотъ грибъ здѣсь совсѣмъ не имѣетъ ни спроса, ни сбыта, вторая—невѣжество... Въ то время, какъ напримѣръ, въ Ношехонѣ, эти грибы сушатъ и продаютъ скупщикамъ, зарабатывая хорошую сумму,—у насъ скупищиковъ нѣтъ, и сушить не умѣютъ.

5) „обабокъ“ (масленникъ)—растетъ въ сухомъ бору—очень обильно; труда для сбора никакого не представляетъ... Иногда по лѣснымъ дорогамъ для сбора его ѣздить на телѣгахъ и наваливаютъ ихъ этимъ

грибомъ. Продають для сушки скупщикамъ—цѣна сыркомъ отъ 20 до 40 коп. пудъ. Скупщики сушатъ ихъ въ особаго рода сушильняхъ (нѣчто въ родѣ овина)... для своего же обихода крестьяне насаживаютъ ихъ на спицы и сушатъ въ домашнихъ печахъ.

Есть еще два рода грибовъ—по своему внѣшнему строенію напоминающихъ бѣлые—хотя уступающихъ по вкусу (растутъ по влажнымъ мѣстамъ), но въ пищу употребляются только любителями и, поэтому массами сгниваютъ въ лѣсу... За ними слѣдуютъ опенки, сырошки—которыя здѣсь не собираются... Затѣмъ выступаютъ цѣлые кадры грибовъ „ихъ же имена Ты вѣси, Господи“: вотъ тутъ какіе-то коричневыя—всегда располагающіеся тѣснымъ кольцомъ, въ видѣ большихъ спасательныхъ круговъ,—тутъ золотистые, синенькіе, фіолетовые, лиловые, а тутъ вотъ какой-то пустотѣлый, въ видѣ привязного воздушнаго шара и пр. и пр.—все это здѣсь окрещено общимъ названіемъ „собачики“!—„Ахъ, обмануло! обрадовался—думалъ рыжикъ, а тутъ собачикъ“!

Но вернемся къ главной цѣли очерка—рыжикамъ.

Чтобы успѣшно собирать рыжики—кромѣ тщательнаго знакомства съ лѣсной мѣстностью нужно еще обладать острымъ зрѣніемъ: нарождающійся мелкій рыжикъ изъ подъ соприкасающихся съ нимъ травы, мха и проч. видѣнъ всегда частью—и, если принять во вниманіе, что онъ каждодневно усердно высклевывается—то, картина труда станетъ понятна: только случайно въ нѣкоторыхъ, мало посѣщаемыхъ лѣсахъ „малѣгахъ“—рыжикъ встрѣчается „на открытіи“... Сбирать рыжики отправляются всегда очень рано—„дѣсвѣту“; въ этомъ отношеніи особенно усердно соперничаютъ другъ съ дружкой—деревенскія бабы... Мѣщане, утомляемые длинною дорогой (8+8=16 верстъ—кромѣ ходьбы въ лѣсу)—и, чтобъ поспѣть „на утренку“—любятъ иногда для сбора рыжиковъ уходить въ деревню на ночь... Это удовольствіе, какъ любитель испыталъ и я, о которомъ и хочу здѣсь немного распространиться, чтобъ дать хотя болѣе или менѣе наглядное представленіе объ условіяхъ этого труда въ крестьянской средѣ.

Въ намѣченный день, собравшись—ухожу.

Каргополь, какъ громадная лавра, со всѣми своими храмами, колокольнями, постройками и пышной зеленью—остаётся позади.

Дорога. Направо поля—налѣво поля. Вдали зеленѣетъ лѣсъ. Впереди бредутъ изъ города домой двѣ бабы... Догоняю—иду вслѣдъ... Слышу отрывокъ разговора:

— Рѣзали ёво рѣзали, до полу-шеи лорѣзали!.. какъ ёво ни зарѣзали?! еле отняли!.. перепѣхывались изо-всѣхъ тушь!.. дакъ вотъ—сходилъ въ городъ, купилъ оружье—двѣ четверти долинки... застрѣлю, батъ—тово, кто рѣзалъ то!

— Видно нискалетъ—како еко оружье!?

Обгоняю—ухожу. Впереди опять двѣ бабы—опять часть разговора:

— Ни обыходная—баеть!.. посказала: брала у ей молоко... а потомъ—прихожу батъ, по-утру... печка топнице—а у ей подойник-отъ запаренъ да и закрытъ штанами!.. матушка моя!.. ой не хочу—батъ, больше Матренина молока!

— Ха ха ха!—Ништо!?

Ухожу... Еще нѣсколько десятковъ сажень и вбѣгаю въ прекрасный сосновый лѣсъ (это уже 2½ версты отъ города)—принадлежащій городу—т. н. „Игумиха“; излюбленное мѣсто для прогулокъ каргопольскихъ обывателей—здѣсь устраиваются чаепитія, пикники и—въ большинствѣ случаевъ встрѣчается 1-е мая... Единственно, что здѣсь не-пріятно—эта масса вереса, дѣлающаго лѣсъ большею частію прямо непролазнымъ... „Игумиха“ занимаетъ площадь приблизительно около квадратной версты, но грибовъ этотъ лѣсъ даетъ мало, кромѣ т. п. „обабокы“,—по той причинѣ, что давно переросъ: много тѣни и, мало свѣта—да притомъ по близости и публики здѣсь всегда много: кряду же подбираются все, что только успѣетъ появиться на свѣтъ. Въ виду этого желающіе пріятное соединить съ полезнымъ никогда въ немъ не мѣш-кають, а то и совсѣмъ минуютъ...

Миную лѣсъ прямой дорогой, никуда не заглядывая: мелькають сосны, ели, свѣтъ и тѣни... Конечъ... Открывается Павловскій погостъ—самый заурядный, съ шатровой церковью. Между „Игумихой“ и погостомъ небольшой интервалъ въ видѣ грязной улочки... Вступаю въ деревню... На крыльцѣ ближайшаго дома сидятъ три мальчишка: одинъ въ шапкѣ—виновато смотритъ въ землю, кусая зубами соломинку, двое другихъ бѣловолосые, что то ему болтають:

...—Ой-да у васъ на Ротковѣ-то и пшона ни моють!.. а такъ насыпають въ горшокъ, да нальютъ-да и въ печку!..

— Да, ой, у нихъ и рыбы ни чистятъ!..—воскликаетъ другой—за-хлебываясь,—а такъ со всѣми кишками и варятъ!.. да у нихъ и муки-то не сѣютъ, а такъ—со всѣми колюхами; какъ разломилъ офсенникъ—па-локъ то тамъ! екіе!..

У клѣтки сложеннаго для сушки поваго теса бѣгаетъ нагибаясь маленькая дѣвченка и восклицаетъ:

— Давай-выбрдай, выбрдай!

Скоро выпрыгнувъ изъ подъ теса ципленокъ и прытью побѣжалъ во дворъ—гдѣ слышался пискъ; дѣвочка, подпрыгивая, вслѣдъ восклицаетъ:

— Птичка не величка—ноготокъ востряной!..

Далѣе избы, домики—съ всегда любопытными деревенскими лицами—подолгу озирающими незнакомаго прохожаго... Одно изъ оконъ, по количеству фizioномій, моментально припяло видъ какой-то святочной витрины—не хватало только вывѣски: „продажа масокъ“!.. время было „паужина“, и потому всѣ въ сборѣ.

Миную погостъ, миную поля,—наконецъ въ „рѣдошкахъ“!.. Кру-жусь около часа—медленно подвигаясь впередъ... Рыжикъ попадаетъ плохо...—Изъ за кустовъ съ громкимъ лаемъ налетаетъ собака и—вслѣдъ за ней появляется фигура одного знакома.

— Доброво здоровья!—произнесъ ржавый голосъ.

— Здравствуй!—Каково?

— Каково?! Севодня какъ изъ камня воду жмемъ!—Нихотѣлась бы и ходить-то да!.. вишь мое дѣло—што попова теленка—куда заста-нуть тутъ и ходишь!.. Поседне рыжиковъ-то, говорятъ, было много, а я самъ разъ ходилъ—да што, дородно!.. а севодне шичегуха—хоть вались да спи!.. Маята право!.. Въ землю то надоѣло глядѣть!.. Вишь какъ все засохло—будетъ ли расти?!

Подвигаемся впередъ. Чуется запахъ махорки. Въ сторонѣ на землѣ кружокъ людей; курятъ, закусывають. Мой собесѣдникъ радъ...—Курить попрошу!..—Подходить:

— Будьте здоровы!
 — Быки и коровы!—кто-то смѣется въ отвѣтъ.
 — Пріятный аппетитъ!
 — Никому ни претить!
 — Нѣтъ ли братцы на цыгарку?
 — Изволь—душа!.. Хлѣба не вездѣ даютъ, а напитокъ да покурить—вездѣ даютъ.

Двигаюсь далѣе: знакомые пустыри въ перемежку съ „рѣдошками“ по деревнямъ, натуживаясь до надрыва, перекликаются пѣтухи—точно стараясь во что-бы то ни стало быть услышаннымъ „часовымъ“ другой деревни; не-даромъ всѣ деревенскіе пѣтухи такіе сипоголосные!..

Попадается заблудившійся парень!.. Я самъ испыталъ это неприятное чувство, но только не здѣсь, а въ дѣйствительно дикомъ лѣсу—среди болотъ: былъ мозглый осенній день, по небу низко и быстро мчались сырыя, грязныя мочалки—облака, деревья отъ сильнаго вѣтрагнулись къ землѣ: шумъ ихъ казался какимъ то отчаяннымъ набатомъ!—не на мою ли бѣду они отзывались?—но на выручку никто не приходилъ!.. Я носился туда и сюда съ неразрѣшимой загадкой, вопроситель-но озираясь кругомъ... но все было немилосердно зло и нѣмо—въ молчаливой стачкѣ ничто не хотѣло подсказать мнѣ ни юты... Въ другой разъ заблудился въ ясный, играющій день, тоже въ опасномъ мѣстѣ—гдѣ у насъ блуждаютъ сутки по трои. Въ этотъ разъ интересно то, что я потерялъ правильное представленіе о движеніи солнца, и—очень удивился—случайно попавъ на слѣдъ, что солнце движется совсѣмъ въ обратную сторону... но, чтобъ заблудиться здѣсь, вблизи деревень въ перемежающихся лѣсипишкахъ—правъ смѣшно!.. Направивъ парня на путь миренъ—двигаюсь впередъ...

Слышатся переливы пастушескаго рожка, трещать кузнечики, гдѣ то близко дышитъ корова и щиплетъ траву, бряцаютъ позвончики, стучать могучія ноги о сухую землю, раздаются отдѣльное мычаніе, далеко блеютъ овцы, доносится отдаленное же ауканье и свистъ запоздалыхъ сборщиковъ—слышится пѣсня... Солнце уже низко и смстрить какъ то особенно ласково, прощаясь на ночь... Тишина... Я уже вблизи намѣченнаго пункта—верстахъ въ 8 отъ города... видѣть деревушку мѣшаетъ лишь одинъ маленькій лѣсокъ, но идти сейчасъ въ душную избу еще не охота: въ рабочей день ложатся поздно по заходѣ солнца, особенно, хозяева съ порядочнымъ количествомъ скота, который надо заставить, подоить, напоить и пр...—по усталость беретъ свое, хочется отдохнуть и особенно здѣсь—на волѣ... достигнувъ края лѣса, кладу подъ голову зонть и растягиваюсь на сухой согрѣтой землѣ, закрываю глаза, пробую дремать... вдругъ, случайно дунувшій вѣтерокъ наноситъ на самый носъ какую то бумажку... схватываю и—отъ скуки просматриваю: деревенское письмо!.. писанное разнокалиберными каракулями, съ такимъ характернымъ началомъ: „Розверну бумажичку, да посмотрю сердечушка, да напишу записочку“!.. далѣе: „сажу на кучѣ да думаю думаю“!.. въ послѣдующихъ строкахъ выясняется, что авторъ сидитъ на „кучѣ сѣна“!.. еще далѣе разсказывается о ходѣ сѣнокоса да о томъ что „не спускаютъ къ празднику“...—Бросаю!.. люблюсь небомъ и слушаю жужжаніе мухъ... Налетаетъ пучужина вродѣ маленькаго куличка—да кажется, онъ самый и есть!.. и хвостъ и носъ одинаково тонки, долги и остры... стоитъ на кочкѣ и что то нервничаетъ... смотреть на мѣвя, а я люблюсь имъ...—думается: вотъ, если бы эти кулики были...

пу—положимъ, каррихатуристами, корреспондентами, писателями, полицейскими надзирателями—протокольщиками или просто вольнонаемными писцами—не было бы имъ нужды прибѣгать къ перью!.. а вотъ ткнул носомъ прямо въ чернильницу и... пошелъ писать!.. Но что въ это время думалъ куликъ—глядя на меня?!

Праздныя мысли прерываетъ близкій трескъ сучьевъ и скрипъ наполненной корзины... Подымаюсь, сажусь... является знакомый мѣщанинъ—бывшій по образу пѣшаго хожденія и въ Архангельскѣ и въ Ялтѣ! Садится... рады на безлюдья встрѣтиться.

— Каково?—спрашиваю.

Ни говори!.. Плохо сѣводне!.. тороплюсь домой!.. надо закурить да бѣжать... И то къ закату не посиѣть... Пошелъ поздо, да!..

— Это твоя корзина то скрипѣла?

Нѣтъ... у меня шишъ!.. Деревенская дѣвка ходитъ въ кафтанѣ.. въ сѣромъ...

Вдругъ, откуда ни возмись раскрылась дѣвичья глотка и громкій некрасивый голосъ въ „частушкѣ“ рознесъ по лѣсу такую рекомендацію:

Мо—еть *) Ваня богомоль—

Богомольничаетъ!

Всё на крылоѣ стоитъ—

Порато вольничаетъ!

Не успѣло эхо повторить послѣдняго слова пѣсни, какъ на смѣну, гдѣ то вблизи, раскатился разухабистый голосъ подростка-парня:

Во сѣводнешной ноче

Я заблудилсѣ на пече:

Взошло солнышко съ востока—

Я хоть вышель на шестокъ!

Мой мѣщанинъ улыбнулся... очевидно его прельстило и громкое эхо и иронія пѣсенокъ... по глазамъ виднѣлось, что онъ припоминалъ какой либо „шедевръ“, чтобъ не поддаться „деревеньщинѣ“, и вдругъ, поднявшись и сдѣлавъ запасъ воздуха онъ, съ усиленіемъ деревенскаго пѣтуха заоралъ:

Деньги есть—я веселюсь,

Пока у Шужмова женюсь!

А какъ ни будетъ ни гроша—

Тогда женюсь у Папыша!..

У Папыша! у Папыша!.. кричало подтверждая гулкое эхо, въ лѣсахъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ... Смѣясь, прощаемся... Уходитъ—оставивъ дымъ „махры“... Не слышно и другихъ, а въ деревню идти все еще нахожу рано... Встаю... минутъ черезъ 20—кромѣ нѣсколькихъ рыжиковъ нахожу... зонта! и зонтъ... свой! все объясняется!.. подымаю и иду уже въ деревню... А въ лѣсу вдругъ открывается опять та же парнецкая глотка и—точно въ напутствіе мнѣ кричитъ:

Понеси тя водяной,

Па кобылѣ вороной!..

Понеси-тя лѣшей.

На кобылѣ плѣшей!..

Поля... Еще одинъ лучъ, и солнце погасло!.. Носки сапоговъ дѣлаются мокрыми—садится роса... дыханіе по временамъ ощущаетъ куда то бѣгущую струю холоднаго воздуха...

*) Мо—еть—измѣненіе сл. мой-го.

Выхожу въ деревню—кстати сказать, носящую такое нелѣпное названіе—„Кирино“!—среди деревни оживленіе: на колодцѣ и вокругъ него столпилась черпающая и ожидающая своей очереди публика... Скрипитъ колесо, звякаетъ коромысло, льется вода... Мужикъ съ цыгаркой во рту, присаживается на срубъ колодца къ безобразной старухѣ и пытается острить:

— Кабы моя была, низналь бы што и здѣлать—съѣсть-ли, сберекчи?!

— Пока бы ты думаль, я бы тебя и съѣла!..

Тутъ же вокругъ людей бродить очевидно безпартійный пестъ, лицемѣрно на всѣхъ поглядывая и ласкаясь—съ вѣроятной идеей о жратвѣ. Вбѣгаю въ дверь намѣченной избы... Здороваюсь... Хозяйева кончаютъ чай.

— Пей Сималъ ище!—сдобнымъ голоскомъ уговариваетъ хозяйинъ пастуха.

— Ни хочу!.. И такъ ужъ опузырѣлъ!..—отвѣчаетъ тотъ, хлопая по брюху—отчего происходитъ у него отрыжка.

— А съ мухами?!—приглашаетъ дѣвченка—я дакъ съ мухами пила!..

— Не хочу и съ мухами!

Мухъ дѣйствительно много, которыя гадѣли надъ столомъ и на полкахъ... Завариваю чай—пью, закусываю.

Изда—въ сравненіи съ оказавшимися на лицо людьми—оказалась довольно тѣсной: кухня, горенка и еще прилубецъ—маленькая каморка: а народу: своихъ 9, работникъ, да еще очередной пастухъ—итого, со мной—12...—Послѣ различныхъ хлопотъ, все это населеніе размѣстилось по полу спать—занявъ кухню и горенку; я и „опузырѣвшій“ пастухъ, помѣстились въ прилубѣ... Скоро уже—минуть черезъ 10—начало раздаваться храпѣнье, посвистыванье и сонный бредъ уставшихъ людей... Мнѣ почему-то не спалось, должно быть поздній чай оказалъ мнѣ плохую услугу... Въ окно глядѣла луна, окончательно отгоняя сонъ, въ добавокъ къ этому снящіе скоро произвели такую своего рода „химическую обструкцію“, что хотѣлось бы бѣжать—дышать становилось невозможно... Но выйти на свѣжій воздухъ было трудно, чтобы не наступить на когонибудь... Волей-неволей приходилось терпѣть... Воздухъ становился все гаже и гаже и, сдѣлавъ такъ густъ, что „хоть топоръ повѣсь“!—какъ гласить по этому поводу мужицкая пословица... Ночь казалась безконечной... Пробоваль уткнуться въ подушку, но и отъ этого не лучше... А тамъ неистово свистять, всхлипывають, пытаются говорить, и жадно вдыхаютъ этотъ жупель!.. Наконецъ рачительный хозяйинъ къ великой моей радости произнесъ возгласъ: „ставать пора“!.. Нехотя зашевелилось все это благоуханное собраніе... „короткій“ 4—5 часовой „отдыхъ“ кончился!..

Что же теперь? Чай? О!.. не промывъ глазъ, хватаются за корзины!.. Минуть черезъ 10 я въ лѣсу, людей уже много, но тишина—ни звука!.. всѣ точно священнодѣйствуютъ!.. Еще темно и трудно различать предметъ отъ предмета: кору отъ гриба, рыжикъ отъ „собачика“—поэтому ходятъ внаклонку, при томъ стараясь не привлекать постороннихъ глазъ, посторонпяго вниманія какимъ либо неосторожнымъ звукомъ или чѣмъ другимъ—чтобъ не узнали, не подсмотрѣли завѣтнаго плодovitаго мѣста... Напряженная сосредоточенность!.. Волей-неволей заражаешься и самъ тѣмъ же усредіемъ!..

Такъ длится часа 3—4, затѣмъ мало по малу люди точно пробуждаются: начинаютъ перекликаться, собираются въ кучки, оглядываютъ другъ у друга количество собранныхъ грибовъ, а позднею осенью, во время инея, собираются въ кружокъ—гдѣ раскладываютъ огонь и отогрѣваютъ окончившія руки и особенно ноги, т. к. ходить—за исключеніемъ нѣкоторыхъ—босикомъ, чтобъ не растоптать мелкаго рыжика—что частенько случается, потому что его нерѣдко трудно увидѣть,—а босыми ногами въ тоже время легко его нащупать...

въ это время послѣ долгаго и напряженнаго молчанія и сосредоточенности люди какъ то развязываются и даютъ волю языку: по лѣсу слышатся разговоры, вольныя шутки, смѣхъ крикъ и проч... все это звонко разносится въ тишинѣ и отчетливо касается слуха:

— Охъ,—сѣдятъ ты мухи!..—рыжика то растопталъ!.. выражая неудовольство на себя—восклицаетъ гдѣ-то „Мишко“.

— Ой, слѣбой!.. Толстой паливоронокъ!.. Осканьелокъ!.. нараспѣвъ, шутя ругаетъ его бабій голосъ.

Не маленькой гляди, бороздя пальцами землю, ползаетъ на колѣняхъ мужикъ; къ нему подходитъ—отбивая трель ножомъ по корзинѣ—молодой парень:

— У тебя—Илья, тутъ есь?

— Есь!.. да ни про вашу честь!.. Мимо дорога!..

— Ну, да у тебя и рыжики!.. старики то все екіе.. мнѣ и даромъ ни нать!.. У миня рыжички то—эхъ!.. рехъ, рѣхъ! а ни хухры мухры!..

Въ лѣсной дали подняли шумъ, крикъ, ауканье собиратели изъ другой деревни. Здѣсь каждая деревня о жителяхъ другой держится позачь какого либо насмѣшливаго названія:

— Ишь — „бесхвостики“—роскричались!—ни лѣшей-ли обдираетъ!?. —бормочетъ Илья.

— Это къ дождю!..—поясняетъ тотъ же парень Митюха... Оба смѣются, подходитъ третій... съ цыгаркой во рту—бритый мужикъ—„Ранько“... Среди мелкаша стоитъ громадная исполинская ель, съ длинными зелеными вѣтвями...

— Вотъ, хресной, елущка-та!.. проходя мимо восклицаетъ Митюха... Посмотри-ко!.. видалъ?!

— Ни видалъ!.. угрюмо отзывается тотъ же Илья. Это, братецъ—„елка“!.. Вотъ бы на Рождество ей—но госпоцки—огарочками засвѣтить... огня до неба!..

— Ну, да!—прибавляетъ Ранько—и обвѣсить сверху до низу полусотками, сотками, сороковками, бутылками!..

Всѣ громко хохочуть.

—...И плясню бы тутъ поднять!

— Да она всю казенку поберетъ!.. А давно, Ганько, пиваль?—спрашиваетъ Илья.

— Давно!.. а я тебѣ скажу, у насъ хозяинъ настойки все дѣлаетъ, да никакъ и дотирпѣть ни можетъ... насыпаль морошки—налилъ... а на другой день всю посудину выпорознилъ!.. ха...ха...ха!

— Гдѣ нашему брату дотирпѣть!.. А давно въ городѣ то былъ?

— Третьяво дня... для табаку... да красново товару бабамъ взять—рогожу!..

— У тебя што рыжиковъ то—заботны слезки!.. погляди-ко у людей-то!..—журить гдѣ то мать своего подростка.

— Почему вчера се рыжики продали?—перебиваетъ другая баба.

— Ой—дешево!.. Да ушь тутъ што!?. экому жому здумаль про-
давать!.. Овсянны выжимки!.. О Крещеньѣ льду ни выпросишь у етого
купца!.. Ни перекинетъ копейки—ни думай!

Въ другомъ краю лѣса разносятся дѣвушками все тѣ же скороспѣ-
лыя пѣсни:

Дорогово Колянку
На рынокѣ торговали—
Три копейки за нѣво,
Дороже ни давали!

— Ау—у—Дарья!.. Домой!.. кричить дѣвка уже изъ поля...

— Што—о—о!..

— Домо—о—й!..

— Што—о—о?.. Я безъ очковъ не слышу!

„Утренка“ кончилась. Это самое важное время сбора. Всѣ возвра-
щаются домой... Теперь, взрослые примутся за работы—возвратятся въ
лѣсъ только ребята, да тѣ кому дѣлать нечего и еще, конечно, спе-
ціальныя сборщики—изъ горожанъ, которые этого сезона ждутъ цѣ-
лый годъ. Въ благоприятный день рыжикъ нарастаетъ быстро—за день
считается три періода нарастанія: утренній, полуденникъ, и вечеровой
—опытныя, въ означенное время бываютъ особо старательными.

Взрослые цѣлый день находятся въ лѣсу только въ воскресные и
праздничные дни—особенно дѣвки и парни, а также жнеи и работницы
—тѣмъ болѣе, что всѣмъ имъ въ эти дни дается отъ хозяевъ и родите-
лей льгота собирать въ свою пользу,—но въ эти дни сборъ произво-
дится уже безъ будничнаго серьеза и сосредоточенности, а въ припод-
нятомъ праздничномъ настроеніи: молодежь одѣвается нѣсколько почи-
ще—въ лѣсу цѣлый день пѣсни, слышится гармоника... Положимъ, цѣ-
лый день крестьяне ходятъ въ лѣсу еще въ ненастье—когда дождь мѣ-
шаетъ работать въ полѣ: въ такой день, закинувъ на плечи поверхъ
кафтава порожній мѣшокъ, который въ этомъ случаѣ долженъ испол-
нять роль непромыкаемаго плаща, босикомъ, съ ранняго утра крестья-
нинъ ищетъ рыжиковъ—возвращаясь домой только поѣсть; съ верху
вода, снизу вода, да и съ боковъ—богатая водой „поповы кропильки“
т. е. сосновыя вѣтки, тоже щедро сыплютъ на него „святую воду“; все
это задаетъ хорошій душъ въ этотъ день сборщику: „непромыкаемый
плащъ“ превращается въ сырой блинъ, сѣрый шерстяной кафтанъ дол-
го всираетъ въ себя воду, но и онъ въ концѣ концовъ промокаетъ...
А мужикъ невозмутимъ также, какъ вотъ эта наполиванная сосна... ему
порой даже любо!..

Обратной дороги описывать не стоитъ!.. Взглянемъ лучше на на-
стоящее и будущее этого промысла...

Кромѣ неразборчиваго истребленія—подъ недолголѣтнюю пашню—
лѣса, изъ нежелательныхъ явленій—касающихся cadaго собирателя
грибовъ—является засариваніе крестьянами лѣсовъ—во время рубки жер-
дей или дровъ—древесными вѣтвями—хвоей, эти вѣтки можно бы свали-
вать на пустырь, который большею частью—рядомъ, или по крайней
мѣрѣ складывать въ одну кучу; ущербъ отъ этого засариванія призна-
ютъ и сами мужики, но прекращенія не замѣчается;—другое нежела-
тельное явленіе заключается въ томъ, что нѣкоторые изъ собирателей
грибовъ, на мѣстѣ ихъ находженія, часто для болѣе тщательнаго обыска

вмѣсто практикуемаго ошупыванія позволяютъ себѣ вырывать мохъ портить, почву и т. д.—обезпложивая на будущее данное мѣсто.

Мѣщане давно уже охладѣли къ этому промыслу, одна изъ причинъ—все большее и большее удаленіе лѣснаго участка отъ города, и специальныхъ „рыжичниковъ“ нужно считать теперь уже единицами... Затѣмъ духъ времени—иные взгляды на занятія отталкиваютъ отъ этого „устарѣлаго“—случайнаго, и незавиднаго для мѣщанъ промысла, такъ что въ концѣ концовъ сборъ грибовъ для сбыта—останется въ рукахъ однихъ крестьянъ...

На уменьшеніе лѣса жалуются у насъ почти повсюду; если онъ гдѣ и есть, то большею частію такой, что входитъ по полтора ста деревьевъ на возъ,—а есть волости, въ которыхъ буквально—ни полѣна..., такъ что насельникамъ этихъ волостей, въ скоромъ времени придется каждый годъ—по осени, вслѣдъ за „гусей крикливыхъ караваномъ“—„тянутся къ югу“, т. к. никакія другія средства для согрѣванія, кромѣ—положимъ водки, здѣсь неизвѣстны—да едва ли и найдутся въ достаточной мѣрѣ... Но, отъ улучшенія дровяного лѣса до исчезновенія рыжичнаго промысла еще очень далеко; какъ это ни пытаются совмѣстить, для наростанія этого гриба достаточенъ лѣсъ съ 10-лѣтними деревьями—а такого лѣса пока достаточно, при томъ на смѣну истребляемаго лѣса—заростають вновь заброшенные, громадные пустыри,—такъ что этотъ промыселъ долго еще будетъ служить подспорьемъ мужиковъ, а если принять мѣры къ сбереженію лѣса, то и къ правильному пользованію имъ всегда.

Философъ Докучаевъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ по р. Умбѣ.

Настоящая статья составлена по путевымъ замѣткамъ, которыя я вѣлъ во время моего послѣдняго путешествія по Русской Лапландіи. Поводъ, побудившій меня выпустить въ свѣтъ эту статью—слѣдующій. По р. Умбѣ¹⁾ до сихъ поръ проѣзжало лишь очень незначительное число лицъ, а въ печати нѣтъ ни одного описанія этой рѣки. Въ 1887 году подымались финляндцы Edgren и Levander, но доѣхали только до Канозера: трудности пути, „крутые водопады и большіе пороги“, заставили ихъ вернуться обратно²⁾. Послѣ нихъ профъ Рамзай спускался въ карбасѣ во всему теченію р. Умбы и, какъ говорятъ, произвелъ даже глазомѣрную съемку этой рѣки, однако карта эта до сихъ поръ нигдѣ не опубликована. Въ 1910 году по Умбѣ, вмѣстѣ съ двумя карелами, спускался одинъ шведскій этнографъ. Вотъ и весь немногочисленный списокъ лицъ, проѣзжавшихъ по Умбѣ, исключая, конечно, лопарей и поморовъ, живущихъ въ селѣ Умба. Послѣдніе однако подымаются по Умбѣ только до Канозера и лишь лѣтомъ 1911 года двое умбянъ поднялись до Капустныхъ озеръ. Въ лѣтние мѣсяцы по р. Умбѣ происходить сплавъ лѣса. До настоящаго года заготовка лѣса производилась не выше Капустныхъ озеръ, съ этого же года начали заготовлять лѣсъ и на Умбозерѣ, такъ что нынче лѣтомъ сплавъ лѣса будетъ про-

¹⁾ Слово Умба лопарскаго происхожденія (ср. Umptek, Umpjawr). Какъ село Умба, такъ и рѣка были извѣстны еще въ XVI столѣтіи, т. к. они упоминаются подъ названіемъ Умба въ книгѣ „Большой чертежъ“.

²⁾ Fennia III, № 5, стр. 15.